

Тарковский Андрей Андреевич
28.08.94

Тамара ГЕРМАН

65 лет назад в кинематографическом мире произошли два выдающихся события (правда, что они выдающиеся, мир понял намного позже) — в 1932 г. в прекрасном уголке Земли, в итальянской Венеции, родился международный кинофестиваль, ставший одним из самых серьезных творческих конкурсов кино, и в этом же году в другом благословенном крае, в России, родился Андрей Тарковский. Ровно через 30 лет они встретились. Итог встречи — молодой советский режиссер привез домой главный приз смотря — “Золотого льва Св.Марка”. Впервые за все годы существования Венецианского кинофестиваля советский фильм получил главную награду.

Становление Венецианского фестиваля происходило довольно сложно. Организовав международный конкурс с целью выявления лучших произведений в мировом кино, оргкомитет фестиваля вначале не проводил официального премирования, а лишь проводил референдум среди публики, которая собиралась для просмотра на террасах знаменитого отеля “Эксельсиор”. Спустя несколько лет фестиваль переместился в специально выстроенный Дворец кино — Палаццо дель чинема, в котором он проходит вот уже в течение 60 лет. В первые годы фестиваль отличался неплохим подбором кинопрограммы (кстати, на самом первом референдуме, по мнению зрителей, лучшим режиссером был признан Николай Экк за картину “Путевка в жизнь”). Но, уже начиная с третьего и особенно с четвертого форума, фестиваль был захвачен фашистским правительством, и на нем стали демонстрироваться картины, прославляющие походы Римской империи и восхваляющие Третий рейх. В течение десяти лет (до 1942 г. включительно) на фестивале ежегодно присуждалось по два кубка им. Муссолини — за лучшие иностранные и итальянские фильмы. С 1943 по 1945 год фестиваль не проводился. И лишь после разгрома фашизма он стал возрождаться как действительно международный и серьезный киносмотр. Но возрождение тоже происходило непросто. В конкурсе почти не представлялись фильмы итальянского неореализма, давшие миру кинематографические шедевры, все чаще побеждали откровенно коммерческие картины. Молодое новаторское кино стало собираться в Канне, а кинемастера из стран социалистического лагеря организовали фестиваль в Карловых Варах. Левая пресса резко критиковала руководство Венецианского фестиваля, призывая его вернуть форуму “строго художественный” характер. В 1960 году произошёл и вовсе невиданный инцидент, о котором рассказывает известный кинокритик Р.Н.Юренев: “В 1960 г. знаменитый советский кинорежиссер С.Ф.Бондарчук опубликовал в печати свое несогласие с решением жюри о премировании фильма “Переход через Рейн”, который прославлял французов, сотрудничавших с немцами в годы войны. А не менее известный итальянский кинемастер Лукино Висконти демонстративно отказался

Культура. 1994 — 28 авг. — с. 5 Крылатый лев Андрея Тарковского

А. Тарковский. Венеция. 1962 г.

от премии, присужденной его фильму “Рокко и его братья”. В знак протеста против реакционной политики фестивального руководства итальянские кинематографисты организовали независимый фестиваль в Поретта-Терме, на который собрали много социально значительных реалистических картин, и премировали чешскую антифашистскую драму “Ромео, Джульетта и тьма” и советскую ленту “Чужие дети”.

Под угрозой полного краха венецианское руководство вынуждено было пересмотреть подход к конкурсу. Директором фестиваля был назначен Луиджи Кьярини, искусствовед, автор известной у нас книги “Сила кино”. Кьярини энергично принялся за дело. Главным условием приглашения на фестиваль он объявил художественное качество фильмов, а лентам-победителям стали вручаться премии — “Золотой лев Св.Марка” (главный приз фестиваля), серебряный, а в некоторые годы и бронзовый, а также специальные премии, кубок Вольпи за актерскую работу и золотые медали (с 1987 г. “Золотые Озеллы”) другим создателям картины.

Вернемся на 35 лет назад. Конец августа 1962 года. Палаццо дель чинема каждый вечер заполняют съехавшие из разных стран видные деятели кинематографа, известные режиссеры, продюсеры, актеры, приезжие богатые гости, имеющие возможность платить астрономические суммы за билеты, журналисты, представляющие прессу всего мира. Ровно в 22 часа открывается занавес перед экраном...

От нашей страны в том соревновании участвовали два фильма — “Люди и звери” Сергея Герасимова и первая полнометражная художественная картина молодого режиссера Андрея Тарковского “Иваново детство”.

Фильм “Люди и звери” шел первым. Картину приняли по-разному. Одни критиковали за серьезность, другие — за политическую направленность, третьи никак не могли понять, что означает ярко выраженная в фильме линия “борьбы с мещанством”. (При переводе никак не могли найти слово, наиболее точно передающее смысл нашего понятия “мещанство”). В конце концов остановились на определении “конформизм” — ?). Вот что писал об этом в одном из репортажей с XXIII МКФ в Венеции участник советской делегации, в то время главный редактор журнала “Советский экран”, Д.Писаревский: “Пресс-конференция по фильму “Люди и звери” была очень шумной. Высказанное Сергеем Герасимовым утверждение, что корни явлений, порождающих зверя в человеке, связаны с частной собственностью, вызвало острую реакцию. “Значит, мы все звери?” — кричал с места бордатый журналист, русский эмигрант, представлявший швейцарскую газету. Попытки дезавуировать фильм по политическим мотивам не ограничились рецензиями в газетах. Аргентинская делегация на фестивале опубликовала письмо с протестом против того, что в фильме якобы неверно показаны условия труда на аргентинских плантациях. Но после достойной отповеди, которую дала этому письму советская делегация, его авторы были вынуждены извиниться и взяли обратно свое заявление. Мнения о художественных достоинствах также разделились.

Нашлись противники повествовательного стиля. Но все же большинство журналистов и критиков отмечали, что “лучшие страницы фильма отличаются психологической тонкостью и большим вниманием к человеческим чувствам”, “что необходимо оценить в этой картине отсутствие риторики и страстный интерес к душе человека...”

Фильм “Иваново детство” сразу завоевал признание искушенного зрителя и взыскательной критики. Вот что писали фестивальные газеты после просмотра ленты: “Фильму Тарковского свойственна свежая тонкая поэзия”, “Тарковский обладает лирическим темпераментом и изобразительной чуткостью”. “Его поэзия в нем самом”, “Лучшие фильмы советского кино завтра, очевидно, будут фильмами поэтического, и эта поэзия будет все больше интеллектуализироваться...” (Ах, как жаль, что определение “поэтическое”, “интеллектуальное” кино сегодня уже не о нас...).

Борьба за первый приз была напряженной. В конкурсе участвовало 25 фильмов. Среди авторов и участников этих картин — Годар, Пазолини, Торре-Нильссон, Лоуренс Оливье, Симона Синьоре, Анна Маньяни, Эмманюэль Рива, Стэнли Кубрик... Стэнли Кубрик выступил с картиной “Лолита” — экранизацией нашумевшего бестселлера В.Набокова. Это была серьезная ставка Голливуда в соревновании. Фирма не поспешила на рекламные расходы — огромные световые транспаранты, плакаты, на улицах бесплатно раздавались красочные проспекты, патефонные пластинки и даже солнцезащитные очки в оправе из двух сердечек — точь в точь как у героини картины...

Кадр из фильма “Иваново детство”

Наконец, суббота, 8 сентября — день, когда должны объявить итоги. Еще до полудня, по традиции, жюри удалилось в некое охраняемое строгой тайной местечко в Венеции. А вечером объявили: Гран-при “Золотой лев Св. Марка” присужден советскому фильму “Иваново детство” и итальянскому фильму “Семейная хроника” (режиссер Валерио Дзурлини). Чтобы достойно и справедливо отметить итог творческого состязания, пришлось срочно отливать еще одного “Золотого льва”.

Это был первый в истории советского кино Гран-при старейшего и престижного кинофестиваля и первая награда в жизни молодого кинематографиста Андрея Тарковского.

Вспоминает Ирма Рауш-Тарковская:

“Уезжая на свой первый в жизни фестиваль, Андрей даже и подумать не мог о том, что получит Гран-при. Он надеялся на приз “За дебют”. И вдруг... Ведь совсем недавно экстравагантный молодой человек был отчислен за неуспеваемость со второго курса одного из престижных вузов Москвы, и мать со свойственной ей решительностью отправила его с партией геологов коллектором, то есть рабочим, в далекую сибирскую экспедицию. Там, на берегах таежной реки Курейки, Андрей проработал почти год... На вступительных экзаменах в институт кинематографии Михаил Ильич Ромм, набравший курс, спросил его, почему он решил стать режиссером. “Когда я смотрю хороший фильм, — ответил Андрей, — мне всегда становится обидно, что я не имею к этому отношения”.

“Золотой лев” некоторое время стоял в доме Тарковского, и все дружно вместе с хозяином вертели его, терли, осторожно царапали, даже подставку отвинчивали, пытаясь определить, правда ли, что он золотой”.

А вот как запомнил первую встречу с только что вернувшимся из Венеции А.Тарковским писатель Владимир Богомолов, автор повести “Иван”, на основе которой написан сценарий картины “Иваново детство”:

“Узнав в те фестивальные дни, что картина получила главный приз, я как-то не особенно прочувствовал это, так как был человеком достаточно далеким от кино. И вот теплым сентябрьским днем иду я от телеграфа к Моссовету. Вдруг кто-то сзади закрывает ладонями мне глаза. Я даже представить себе не мог, что это может быть Андрей, так как знаю, что он в Италии. Поворачиваюсь — передо мной стоят Андрей Тарковский и Вадим Юсов (оператор фильма). Андрей радостно, в тридцать два зуба, улыбается.

— Вот видишь, а ты боялась! — говорит мне Андрей (это фраза из моей повести, мы часто ею шуточно перебрасывались), — надо бы это отметить!

— Всегда пожалуйста, — отвечаю я также фразой одного из персонажей повести.

В ближайшую же субботу мы маленькой компанией собираемся в ресторане “Араги”, что в двух шагах от того места, где мы встретились. Мы — это Андрей, я, Вадим Юсов, Же-

ня Черняев (художник картины) и близкий друг отца Андрея Ростислав Николаевич Юренев. Арсений Александрович Тарковский, к сожалению, был болен и прийти на встречу не смог... И вот мы сидим в “Араги”, пьем за картину и ее создателя. Андрей проносит тосты: за великого оператора Вадима Юсова, за художника, за кино... Часов в девять вечера он вышел позвонить. Вернувшись, спросил: “Вы не возражаете, если приедут Хуциев и Шпаликов? Они только что закончили картину”. Конечно, мы не возражали, и где-то через час приехали Марлен Хуциев и Геннадий Шпаликов, с которым я встретился впервые. Мы пили за только что законченный их фильм “Застава Ильича”, о котором Андрей сказал: “Эта картина сильнее нашего фильма”. И вдруг Г.Шпаликов, обращаясь ко мне и Андрею, говорит: “Ребята, закажите мне макароны!” Я, не заметив хитрой ухмылки Андрея (который хорошо знал способности Шпаликова разыгрывать присутствующих), воскликнул: “Гена, ты что!” Но тот настоятельно просил. В это время в кабинет, где мы сидели, зашел официант. Я попросил его принести макароны. Официант почти испуганно произнес: “У нас нет макарон. Не бывает”.

“Как это, ресторан высшего разряда, и нельзя заказать простые макароны?” — спросил я. Официант, волнуясь, стал сбивчиво отвечать: “Но вы первые, кто попросил макароны, у нас никогда никто макароны не заказывал...” Тогда я вышел к метрдотелю, дал ему “за культурное обслуживание”, не помню, помоему, рублей 25 и сказал: “Здесь за углом в магазине прекрасный бакалейный отдел, там наверняка есть макароны. Пошлите кого-нибудь, пусть купят и сварят...” Минут через 30 нам приносит макароны... А наш кабинет, где мы сидели, в “Араги” имел вентиляционные прорезы, забранные бронзовыми решетками из вертикальных планок. И как только официант, подавший блюдо из макарон, вышел из кабинета, Шпаликов встал и сосредоточенно стал заталкивать макароны между прутиками решеток. Я ничего не понимал. Мое лицо выражало недоумение, а выражение лица Р.Н.Юренева (очень серьезного, интеллигентного человека) описать невозможно. “Что вы делаете?” — обратился я к Шпаликову. Андрей смеялся.

Шпаликов, продолжая заправлять макароны между прутиками, невозмутимо ответил: “Знаете, техника частую отказывает (намекая на подслушивающее устройство) и туда сажают живых сотрудников, а о них тоже надо думать!”

Вот этот этюд, разыгранный Шпаликовым, мне очень запомнился из того вечера, когда мы отмечали первую премию Андрея”.

С тех пор прошло 35 лет...

Р.С. Остается добавить, что на МКФ детских фильмов, проходившем в той же Венеции чуть раньше, в том же 1962 году, приз “Золотой лев” за лучший детский фильм был вручен еще одному молодому советскому режиссеру — Юлию Карасику за прекрасную картину “Дикая собака Динго”. А одновременно с А.Тарковским на XXIII Венецианском фестивале еще один лев, бронзовый, достался совсем юному нашему режиссеру Андрону Кончаловскому за его первую киноленту — короткометражку “Мальчик и голубь”...